

ТАЯ ГОРДЕЛИС

МОЙ СЫН —
НАСЛЕДНИК
БЕЛОГО ВОЛКА

— ОТВЕРГНУТАЯ ИСТИННАЯ

18+

Тая Горделис

**Мой сын — наследник белого
волка. Отвергнутая истинная**

«Автор»

2026

Горделис Т.

Мой сын — наследник белого волка. Отвергнутая истинная /
Т. Горделис — «Автор», 2026

Шестнадцать лет назад вожак стаи Марк Северский провёл со мной всего одну ночь, а утром сказал, что не любит. Теперь наш сын — единственный наследник белого рода. Марк приехал за мальчиком, которого никогда не видел, а его волк наконец узнал во мне истинную. Поздно. Я больше не та влюблённая дуручка, которую можно прогнать. И сына я ему не отдам!

© Горделис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тая Горделис
Мой сын — наследник белого
волка. Отвергнутая истинная

От автора

Истинная — не значит покорная. Особенно если волк много лет назад сам от неё отказался.

Ну а теперь пусть побегает.

Пролог

Совет собирался на большой поляне между соснами. Дальше начинался спуск к озеру, но отсюда воды почти не было видно. За деревьями блестела узкая синяя полоса.

Люди стояли широким кругом. Рядом с ними сидели волки: серые, бурые, двое чёрных. Белый оставался человеком. Он возвышался возле старого камня в центре поляны и смотрел на побратима.

— Ты знал, что я не позволю привести её сюда.

— Я надеялся, что ты меня выслушаешь.

— Я выслушал.

Чёрный сжал челюсти. Его женщина ждала за границей земель стаи. На Совет её не пустили, и теперь посланные за ответом волки сторожили чужачку возле северной дороги.

Женщина белого стояла рядом с матерью и следила за мужем. Он говорил спокойно, однако она слишком хорошо его знала. Пальцы правой руки подрагивали, плечи стали жёсткими. Зверь уже рвался наружу.

— Она моя истинная, — сказал чёрный.

По кругу прошёл гул. Серые волки подняли головы, люди заговорили вполголоса. Белый дождался тишины.

— Её род убивал наших людей.

— Наши убивали их.

— Поэтому их кровь не войдёт в стаю.

— Она не отвечает за то, что случилось до её рождения.

— Я сказал достаточно.

Чёрный шагнул к камню. Несколько мужчин двинулись следом, но остановились, когда он поднял руку.

— Для тебя достаточно. Для меня — нет. Я возьму её в жёны.

Белый спустился с камня.

— Тогда ты пойдёшь против решения Совета.

— Пойду.

— И против меня?

Чёрный долго смотрел на побратима. Они выросли вместе, учились обращаться в один год, ходили в первые дозоры. Белый держал на руках его младшую сестру. Чёрный стоял рядом в день, когда главой избрали нового вожака.

— Если ты заставишь выбирать между тобой и истинной, я выберу её.

Женщина белого прикрыла глаза. Она ожидала этих слов с начала разговора и всё равно надеялась, что чёрный их не произнесёт.

Муж качнулся вперёд. Она успела перехватить его за запястье.

— Отпусти его. Утром поговорите вдвоём.

Он высвободил руку.

— Не сейчас.

— Ты злишься.

— Отойди к матери.

Белый даже не посмотрел на неё. Всё его внимание принадлежало мужчине напротив.

— Покинешь эту поляну, чтобы привести чужачку, обратно не вернёшься.

Чёрный медленно расстегнул ворот рубахи.

— Значит, не вернусь.

Он обратился прежде, чем стоявшие рядом мужчины успели вмешаться. Огромный чёрный волк ударил лапами в землю и оскалился.

Люди попятились. Волки поднялись, освобождая середину круга. Несколько женщин увели детей к дальним деревьям.

Белый сбросил рубаху. Его женщина снова схватила мужа за руку, но на этот раз он оттолкнул её. Она едва удержалась на ногах.

Через несколько мгновений на поляне стоял белый волк. Он был выше чёрного, тяжелее в плечах и шире в груди. Светлая шерсть поднялась на загривке.

Чёрный опустил голову. Покорности в этом движении не было.

Белый бросился на него.

Они столкнулись возле камня. Чёрный устоял, полоснул противника когтями по боку и отскочил. На белой шерсти выступила кровь.

Кто-то крикнул, призывая их остановиться. Старшие волки двинулись к дерущимся, но белый развернулся и рявкнул. Серые попятились, поджимая хвосты.

Чёрный воспользовался этим мгновением и ударил его в плечо. Они покатались по вытоптанной траве. Белый вскочил раньше и вцепился побратиму в загривок.

Женщина побежала к ним.

Мать закричала у неё за спиной:

— Стой!

Она не остановилась. Муж мог злиться, мог забыть обо всём вокруг, но её запах всегда возвращал ему разум. Достаточно было подойти, положить ладонь на белую голову и позвать.

Чёрный уже лежал на боку. Белый прижал его к земле и тянулся зубами к горлу.

— Отпусти его!

Волк не слышал. Чёрный дёрнулся, пытаясь вырваться, и белые челюсти сомкнулись на его плече.

Женщина схватила мужа за загривок.

— Посмотри на меня! Это я. Успокойся.

Белый резко обернулся.

Она увидела его глаза и успела отдёрнуть руку. Волк смотрел мимо неё. В нём осталась ярость, разогнанная запахом крови и сопротивлением противника.

— Это я, — повторила она тише.

Он ударил её грудью и повалил на землю. Женщина подняла руку, заслоняя лицо. Белый прыгнул следом.

Её крик оборвался.

На поляне стало тихо. Чёрный отполз от побратима, оставляя за собой тёмный след. Никто не приблизился.

Белый стоял над женщиной. Кровь попала ему на морду и белую грудь. Он наклонился, втянул воздух и замер. Потом осторожно толкнул её носом.

Женщина не шевельнулась.

Волк заскулил и отступил. Обращение началось сразу. Через несколько мгновений на коленях возле неё стоял человек.

— Нет. Нет, посмотри на меня.

Он поднял женщину, прижал к груди и провёл ладонью по её волосам. Голова бессильно запрокинулась на его руке.

— Открой глаза. Я здесь. Слышишь?

Он зажал ладонью рану, пытаясь остановить кровь. Пальцы скользили. Тогда он прижал женщину крепче и закричал, запрокинув голову.

Волчий вой сорвался на человеческий плач.

— Прости меня. Прости. Пожалуйста, прости.

Мать шла через поляну медленно. Люди расступались перед ней. Чёрный волк обратился человеком и попытался подняться, но снова упал возле камня. Она дошла до дочери и опустилась рядом.

— Дай мне её руку.

Белый не ответил. Он качал погибшую, прижимался губами к её виску и повторял просьбу о прощении.

Мать потянулась к дочери. Мужчина повернулся, закрывая её тело.

— Не трогай.

— Отдай её мне.

— Она жива.

Женщина посмотрела на неподвижное лицо дочери и перевела взгляд на кровь, покрывавшую руки белого.

— Ты убил её.

— Замолчи.

— Она подошла к тебе, потому что верила.

— Замолчи!

Он прижал погибшую к себе и снова позвал её по имени. Ответа не было.

Мать поднялась. Слез на её лице не осталось.

— Ты не узнал свою истинную, когда она была рядом.

Белый перестал качать женщину.

— Так пусть отныне ни один зверь твоей крови не узнает предназначенную ему женщину. Пусть белые волки проживают жизнь рядом с чужими, а их род иссякает с каждым поколением.

Мужчина смотрел на неё снизу вверх. Вокруг поляны зашумели деревья, хотя воздух оставался неподвижным.

— Что ты сделала?

Мать не ответила.

Старшие мужчины подошли, чтобы забрать тело. Белый оскалился и обратился, заслонив погибшую. На его груди проступил чёрный след волчьей лапы. Он продержался несколько мгновений и растаял в светлой шерсти.

Мать погибшей посмотрела на пустое место, где только что темнела метка.

— И лишь дитя искупит грех.

Глава 1

К семи вечера Алиса поняла, что сын заболел. Даня не доел котлеты, отказался от пирога и уже третий раз открыл окно над кухонной мойкой.

С улицы потянуло мартовской сыростью. На участке ещё лежал снег, но с крыши весь день капало, а дорожка к гаражу превратилась в цепочку мелких луж.

— Закрой окно, — попросила Алиса. — Деду дует.

Михаил отложил вилку и посмотрел на внука. Даня стоял возле мойки в футболке и спортивных брюках. За последний год он вытянулся ещё сантиметров на десять, раздался в плечах и теперь donaшивал вещи только до первой стирки.

— Мне жарко, — сказал он.

— Поэтому ты решил заморозить нас?

— Мам, тут дышать нечем.

Даня захлопнул створку и вернулся к столу. Сел, отодвинул тарелку и поморщился.

— Котлеты странно пахнут.

Алиса понюхала свою. Котлета пахла мясом, жареным луком и перцем. Михаил попробовал кусок с тарелки внука.

— Нормальная.

— У тебя насморк.

— У меня волк.

— Поздравляю. А у меня нос.

Михаил усмехнулся. Даня обычно не упускал случая продолжить спор, но сейчас промолчал и потёр ладонями лицо.

— Голова болит? — спросила Алиса.

— Немного.

Она встала и приложила руку к его лбу. Кожа была горячей, хотя Даня тут же отстранился.

— Я не маленький.

— Температура об этом не спрашивает. Иди наверх, я принесу градусник.

— У меня завтра тренировка.

— Уже нет.

— Мам!

— Можешь возмутиться в постели.

Даня посмотрел на деда, рассчитывая на мужскую поддержку. Михаил спокойно доел котлету.

— Не впутывай меня. Я с твоей матерью спорить давно перестал.

— Потому что проигрываешь?

— Потому что умный.

Алиса забрала тарелки и поставила в мойку. Даня поднялся из-за стола, но наверх не пошёл, замер возле стула и схватился за спинку.

Михаил оказался рядом раньше, чем Алиса успела обойти стол.

— Что с тобой?

— Ноги свело.

Даня выпрямился, сделал шаг и тихо выругался. Лицо побледнело, на лбу выступил пот.

— Сядь, — велел Михаил.

— Сейчас пройдёт.

— Данька!

Он послушался. Алиса присела перед сыном и провела ладонями по его голени. Мышцы под спортивными брюками напряглись так сильно, что ноги казались каменными.

— Может, скорую вызвать? — спросила она.

— Подожди.

Михаил положил ладонь внуку на шею, затем наклонился и втянул воздух. Его лицо изменилось.

— Пап, ты чего?

Он не ответил. Даня дёрнул плечом, сбрасывая руку.

— Дед, не нюхай меня. Я утром мылся.

— Когда началось?

— Что?

— Жар. Голова. Запахи.

Даня перестал морщиться и посмотрел на него внимательнее.

— После обеда. В школе воняло краской, хотя Людмила Борисовна сказала, что кабинет красили на зимних каникулах. В автобусе вообще чуть не сдох.

Михаил выпрямился.

— Что ещё слышал?

— Всё подряд. Разговор водителя по телефону, музыку в наушниках у девчонки через три ряда. Как мужик сзади жвачку жуёт.

Алиса поднялась. От выражения на отцовском лице тревога стала острее.

— Что происходит?

— Пока не знаю.

— Знаешь. Иначе не смотрел бы так.

Даня резко согнулся, прижимая руки к животу. Стул качнулся под ним. Михаил удержал внука и рывкнул:

— Алиса, открой заднюю дверь!

Она бросилась в коридор. За спиной грохнул опрокинутый стул.

До задней двери было несколько метров, но ключ никак не попадал в замок. Алиса дёрнула засов, распахнула створку и включила наружный свет. Крыльцо, дорожка и край леса за высоким забором залило жёлтым.

Михаил вывел Даню из кухни. Тот едва переставлял ноги и тяжело дышал.

— Куда ты его ведёшь?

— На площадку.

— Пап, у него температура!

— Это не болезнь.

Алиса остановилась. Первое обращение начиналось с жара, боли в мышцах и обострившихся чувств. Она видела его несколько раз у мальчиков из стаи, но всем им было от десяти до двенадцати. Если зверь не появлялся до тринадцати, его уже не ждали. Дане исполнилось пятнадцать.

— Этого не может быть, — в шоке сказала она.

— Я тоже так думал.

Михаил подхватил внука под руку и повёл к площадке за домом. Там мужчины рода обращались во время приездов, не опасаясь камер и соседей. Высокий глухой забор окружал весь участок, а ближайший дом стоял за лесом.

Алиса пошла следом. Михаил обернулся уже возле калитки.

— Останься на крыльце.

— Нет.

— Он не контролирует пока зверя!

— Это мой сын!

— Поэтому отойди подальше.

Даня снова застонал. Спорить рядом с ним Алиса не стала, но на крыльце не осталась. Остановилась возле калитки, пока Михаил помогал внуку пройти на середину вытоптанного круга.

— Дед... что со мной?

— Обращение.

— Какое ещё на хрен обращение?

— Твоё. Слушай меня и не пытайся удержать зверя.

Даня посмотрел на мать. В чёрных глазах появился страх.

— Вы же говорили, что у меня нет зверя!

— Мы ошиблись, — ответил Михаил. — Сейчас сними одежду.

— Здесь?

— Через минуту она всё равно порвётся.

— Дед...

— Быстрее!

Даня стащил футболку. Пальцы уже плохо слушались, и Михаил помог ему справиться с брюками. Алиса отвернулась, чтобы сыну не было ещё и неловко, но почти сразу услышала его крик. И она снова посмотрела.

Даня стоял на коленях, упираясь ладонями в мокрую землю. По спине прошла судорога. Михаил присел рядом и говорил спокойно, не позволяя внуку закрыть глаза.

— Дыши. Не сопротивляйся. Боль быстрее пройдёт.

— Она ни хрена не проходит!

— Потому что ты зажимаешься. Отпусти.

— Что отпустить?

— Всё.

Даня вскрикнул и повалился на бок. Алиса рванулась к нему.

— Стой! — Михаил даже не повернул головы. — Я справлюсь.

Она вцепилась пальцами в деревянную калитку. Женщины волчьих родов не обращались, и Алиса знала о происходящем только иногда застав обращения и по чужим рассказам. Сейчас каждое из них казалось издевательски коротким.

Тело сына менялось рывками. Под кожей двигались мышцы, пальцы впились в землю. Светлые волосы прилипли к мокрому лбу.

— Мам!

Алиса всё-таки сделала шаг, но Михаил загородил ей дорогу.

— Я здесь, сынок, — сказала она. — Слышишь меня? Я рядом!

Он поднял голову на её голос. На несколько секунд боль отступила с его лица, а затем тело снова выгнулось.

Михаил прижал ладонь к плечу внука.

— Не держи человека. Он никуда не денется.

Даня застонал. Крик стал ниже и перешёл в хриплое рычание...

Белая шерсть появилась на плечах, быстро покрыла спину и бока. Через несколько мгновений на земле лежал волк.

Он был крупнее, чем должен был быть зверь при первом обращении. Длинные лапы дёрнулись, когти распоролы влажную землю. На белой груди темнело пятно.

Алиса сначала приняла его за прилипшую грязь. Волк поднял голову, и свет от фонаря упал прямо на грудь. Чёрная шерсть складывалась в чёткий отпечаток волчьей лапы. Уши тоже были чёрными.

Михаил в изумлении отступил на шаг. Даня попытался подняться, запутался в непривычных лапах и рухнул на бок. Но уже через секунду вскочил, мотнул головой и оскалился.

— Даня, — позвала Алиса.

Белый волк повернулся к ней. Он узнал её. Оскал исчез, уши дрогнули. Даня шагнул к калитке, но Михаил встал между ними.

— Сначала успокойся.

Волк зарычал. Шерсть на загривке поднялась, тело напряглось перед прыжком. Михаил не отступил, быстро сбросил одежду и обратился.

Чёрный волк был огромным. Алиса видела отца зверем много раз и знала, что большинство серых рядом с ним выглядели подростками. Только волк Марка превосходил его размером.

Михаил собирался прижать молодого зверя к земле и заставить подчиниться. Так взрослые волки останавливали мальчишек во время первых обращений.

Но чёрный не напал, а замер перед Даней, пригнул голову и медленно опустился на передние лапы. Уши прижались к черепу. Волчий живот коснулся земли.

Белый перестал рычать. Алиса не сразу поняла, что видит. Отец не успокаивал внука и не уступал неопытному подростку из жалости. Чёрный волк признавал старшего.

Даня подошёл ближе и осторожно ткнулся носом ему в голову. Михаил не шевельнулся. Тогда молодой зверь перевёл взгляд на Алису.

Она открыла калитку. Чёрный вскинул голову и коротко рыкнул, но Алиса уже вошла на площадку.

— Даже не начинай. Ты сам перед ним лёг.

Белый волк шагнул навстречу. Он шёл неловко, широко расставляя лапы, и дважды едва не упал. Алиса остановилась в нескольких шагах и протянула руку.

— Иди сюда, мой хороший.

Даня обнюхал её пальцы, а затем прижался большой головой к ладони. Алиса погладила его между чёрных ушей.

— Ну и напугал ты нас, Данька.

Волк тихо заскулил. Алиса опустилась на корточки и обняла его за шею. Белая шерсть была горячей и влажной.

Чёрный волк поднялся с земли и обратился человеком. Михаил молча надел брошенные рядом брюки. На рубашку времени не стал тратить, подошёл к внуку, внимательно осмотрел чёрные уши и метку на груди. Потом перевёл взгляд на дочь.

Алиса продолжала гладить Даню. Отцовский взгляд она почувствовала раньше, чем решилась поднять голову. Михаил смотрел на неё молча.

Шестнадцать лет назад Алиса сказала ему, что отец ребёнка никогда не узнает о сыне. Тогда Михаил не спросил имени. Теперь спрашивать уже не требовалось.

Марк закончил разговор с мурманским терминалом и положил телефон возле ноутбука. За окнами кабинета темнела Нева, на воде дрожали огни набережной. В приёмной уже выключили свет, но охрана и водитель ждали внизу.

Он открыл присланный отчёт и успел прочитать две строки. Зверь ударил изнутри так сильно, что Марк вскочил. Кресло откатилось и врезалось в шкаф. На пол упала ручка.

Марк упёрся ладонями в стол и попытался выровнять дыхание. Белый волк метался, требуя выйти. Давно отработанный контроль перестал действовать.

— Успокойся...

Зверь рванул снова. Марк отошёл от окон. Обращаться здесь было нельзя: кабинет находился на восьмом этаже, в коридоре работали камеры, внизу оставались люди. Он расстегнул ворот рубашки и нажал кнопку связи с охраной.

— Подгони машину к служебному выходу. Едем домой.

— Будет через три минуты, Марк Владиславович.

Волк не хотел домой. Он требовал двигаться, но направления не давал. Марк чувствовал только тяжёлое беспокойство и желание сорваться с места.

За сорок лет зверь ни разу не вёл себя так. Во время первого обращения в десять он едва не разнёс родительскую спальню, позднее случались драки и тяжёлые переходы, но волк всегда подчинялся. Женщины его не интересовали. В браке с Ириной он оставался спокойным, после развода не замечал тех, кого Марк приводил в постель.

Белому роду давно не встречались истинные. Последние несколько поколений женились по любви, расчёту или совету семьи, а древнее проклятие вспоминали во время обрядов и заседаний Совета. Марк знал его наизусть и не надеялся увидеть наследника.

Ксения принадлежала белому роду, но зверь передавался только мужчинам. Сейчас оставался лишь один род белых волков, и он его и продолжит. После смерти Марка старшинство должно было перейти к одной из чёрных линий. Он принял это много лет назад.

Волк снова толкнулся наружу. Марк стиснул край стола, и дерево тихо хрустнуло под пальцами.

На этот раз вместе с беспокойством пришло другое чувство. Где-то далеко находилось то, что он обязан был найти. Зверь не умел объяснить и злился на человеческую медлительность.

Марк закрыл ноутбук. До загородного дома ехать около часа, до карельской усадьбы — гораздо дольше. Возможно, волк требовал именно туда.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя Михаила. Марк ответил сразу:

— Слушаю.

Побратим молчал. На заднем плане хлопнула дверь, а затем послышался женский голос. Слов было не разобрать, но Марк узнал Алису.

Зверь замер. Марк медленно выпрямился.

— Михай?

— Приезжай.

— Что случилось?

— У моего внука первое обращение.

Марк посмотрел на тёмное окно. О существовании мальчика он знал около десяти лет. Михаил никогда не называл точного возраста, но ребёнок уже должен был пройти первое обращение или остаться человеком.

— Тогда при чём здесь я?

Михаил тяжело выдохнул.

— Он белый.

Глава 2

После обращения Даня продержался волком почти два часа. Сначала ходил по площадке, привыкая к лапам, несколько раз падал и злился на землю, которая мешала нормально двигаться. Потом устал, лёг возле Алисы и положил голову ей на колени.

Михаил принёс из дома плед, тёплую воду и одежду. Разговаривать при внуке он не стал, но от дочери почти не отходил и смотрел на неё так, что Алисе хотелось вернуть ему человеческий голос только ради возможности послать отца на кухню.

Обратное превращение началось неожиданно. Волк задрожал, вытянулся на земле, и через несколько минут Алиса уже укрывала пледом голого сына.

Даня открыл глаза и хрипло спросил:

— Получилось?

— Более чем, — ответила она. — Мог бы для начала выбрать что-нибудь поменьше.

Он попытался улыбнуться, но сил не хватило. Михаил поднял внука на руки и понёс в дом.

— Дед, я тяжёлый.

— Мне сообщить об этом спине или сам слезешь?

Даня обнял его за шею и закрыл глаза. До спальни он уже не проснулся.

Алиса помогла уложить сына, натянула на него спортивные брюки и долго сидела рядом. Жар постепенно спадал, дыхание стало ровнее. На груди не осталось никаких следов, хотя Алиса продолжала видеть перед глазами чёрную лапу на белой шерсти.

Михаил ждал в коридоре. Он успел одеться, но рубашку застегнул неправильно и пропустил одну пуговицу.

— Пойдём вниз, — тихо сказал он. — А Данька пока поспит.

— Я останусь с ним.

— Сейчас вернёшься.

Отец не повышал голос. Алиса знала этот тон с детства и понимала, что отвертеться не получится. Она поправила одеяло, оставила дверь спальни открытой и спустилась вслед за Михаилом. На кухне всё осталось после ужина: тарелки в мойке, опрокинутый стул, недоеденный пирог на столе.

Михаил поднял стул и сел. Алиса осталась возле двери.

— Марк? — спросил он.

Шестнадцать лет она готовилась к этому разговору и столько же надеялась, что его никогда не будет. Теперь подходящих слов не находилось.

— Да.

Отец опустил голову. Несколько секунд он разглядывал сцепленные руки, а затем посмотрел на Алису.

— Северский?

— Ты знаешь другого Марка?

— Не шути со мной.

— Я не шучу.

Михаил поднялся. Стул скрипнул по плитке, а ложка возле его тарелки подпрыгнула.

— Когда?

— В то лето. Перед последним курсом.

— Я помню, когда ты забеременела.

Он прошёл к окну и вернулся. В небольшой кухне ему всегда было тесно, а сейчас стены явно мешали двигаться.

— Он тебя заставил?

— Нет.

— Ты была пьяна?

— Пап!

— Тогда объясни мне, как это произошло!

— Тебе подробно?

Михаил резко отвернулся. Алиса сразу пожалела о сказанном, но извиняться не стала. Ей было двадцать, Марку тридцать четыре, и решения в ту ночь принимали оба.

— Сколько раз? — спросил отец.

— Один.

— Он знал, что ты его любишь?

Алиса обхватила себя руками. В доме было тепло, но после площадки её никак не отпускал холод.

— Тогда узнал.

Михаил провёл ладонью по лицу.

— Господи, Алиска... Я же видел, как ты на него смотрела. Думал, уехала, повзрослела и эта дурь прошла!

— Она не прошла.

— А он был женат!

— Я помню...

— У него дочь почти твоего возраста!

— Ксения младше меня на девять лет.

— Значит, всё нормально?!

— Я этого не говорила.

Михаил ударил ладонью по столу. Тарелки в мойке звякнули, а наверху скрипнула кровать.

— Тише! — Алиса шагнула к нему. — Разбудишь Даню.

Отец замер и прислушался. В доме снова стало тихо.

— Что он сказал потом?

— Это сейчас имеет значение?

— Для меня имеет.

Алиса посмотрела на окно. В тёмном стекле отражалась кухня и маленькая брюнетка в сером свитере, которая никак не могла решить, куда деть руки.

— Сказал, что не любит меня. Велел уйти.

Михаил побледнел. Ярость исчезла с его лица, и Алисе стало ещё хуже.

— А ты позвонила мне через два месяца и сказала, что отец ребёнка выбрал семью.

— Так и было.

— Почему ты не назвала его?

— Потому что ты бы его убил.

— Правильно думала!

— И разрушил бы всё, что строил вместе с ним. Совет, стаю, оба рода. Он остался с Ириной, а мне нужно было научиться жить дальше.

— Ты решила за всех.

— За себя и ребёнка я имела право решить.

— Марк имел право знать о сыне.

— Человек, который сказал, что не любит меня и видеть больше не хочет?

— Он сказал, что не хочет видеть ребёнка?

— О ребёнке он ничего не знал!

— Вот именно.

Алиса стиснула зубы. Михаил умел спорить часами, выбирая самое болезненное место и возвращаясь к нему после каждого ответа.

— Я не пришла к тебе за разрешением шестнадцать лет назад. И сейчас не прошу признать моё решение правильным.

— А чего ты просишь?

— Не говори Дане, что Марк его бросил. Он не бросал. Я сама не позволила ему узнать.

Михаил долго молчал. А потом подошёл к мойке, налил воду в стакан и выпил до половины.

— Даня знает, что отец прогнал тебя?

— Знает.

— Имя знает?

— Нет!

— Ненавидит?

— Иногда. В детстве больше скучал.

Отец поставил стакан возле раковины. На кухонном полотенце остался мокрый след от его руки.

— Марк должен приехать.

— Зачем?!

— Посмотреть на сына. Помочь ему.

— Ты сам можешь помочь!

— Общим вещам научу. С белым зверем я не справлюсь.

— Ты только что перед ним лёг...

Михаил поморщился.

— Не напоминай.

— Я собираюсь напоминать тебе об этом до конца жизни.

— Мой волк признал его раньше меня. С рождения рядом с Даней уши прижимал, а я умилялся. Думал, любит внука.

— Он и любит.

— Любит. И подчиняется.

Алиса села на стул. Даня всегда особенно действовал на зверя Михаила. В детстве мог отобрать у огромного чёрного волка мяч, залезть ему на спину и уснуть, уткнувшись лицом в густую шерсть. Отец смеялся, что его зверь окончательно одряхлел рядом с человеческим мальчишкой.

Но все эти годы чёрный знал, кто перед ним.

— Совет пока не должен узнать, — сказала она.

— Не должен.

— И Марк не заберёт Даню.

— Кто ему позволит?

— Он глава.

— А я дед!

Михаил достал телефон. Алиса накрыла его руку ладонью.

— Пап, подожди.

— Шестнадцать лет уже подождали.

— Я должна сначала поговорить с Даней.

— Поговоришь, когда он проснётся. Марк всё равно не окажется здесь через пять минут.

— Я не хочу его видеть...

Отец посмотрел на неё внимательно.

— Врёшь.

Алиса убрала руку.

- Сейчас не время разбирать мою личную жизнь.
- Её шестнадцать лет никто не разбирал! Очень бережно хранили.
- Да позвони уже, черт бы тебя побрал! И отстань от меня!

Михаил вышел в коридор. Через открытую дверь Алиса слышала разговор и голос, который отец оставлял для Совета и людей, решивших испытать его терпение.

- Он белый, — сказал Михаил и отключился.

Алиса сидела за столом, пока наверху спал сын. Скорее всего, Марк уже ехал к ним, а она никак не могла заставить себя подняться и приготовить комнату для человека, которого шестнадцать лет пыталась забыть.

До Пулково Марк добрался за двадцать минут. Водитель дважды нарушил скорость, охрана заранее расчистила въезд, а дежурный борт «Поляриса» начали готовить ещё по дороге.

Марк сидел на заднем сиденье и смотрел на ночной город. Зверь больше не пытался вырваться, но напряжение никуда не ушло. После слов Михаила у него появилась цель.

- У мальчика белый волк. Внук главы чёрного рода. Сын Алисы.

Марк знал о ребёнке. Тогда один из Вороновых обмолвился на Совете, что Михаил часто ездит в Москву к дочери и внуку. Совет возмутился, требовал назвать отца и напомнил о положении чёрного рода. Михаил послал всех заниматься своими семьями и сообщил, что мальчик человек.

Возраст он не назвал. Марк не спрашивал прямо, поскольку не хотел показывать интерес к жизни Алисы. Он и так слишком часто интересовался ее судьбой. Сейчас это объяснение выглядело жалким.

- Сколько лет мальчику? — спросил он у Михаила по телефону.
- Пятнадцать.

Марк закрыл глаза. Шестнадцать лет назад Алиса уехала из Карелии в конце июня, а через несколько недель Михаил сорвался к ней, даже не объяснив причину.

- Почему ты мне не сказал?
- Приедешь — поговорим.

Связь оборвалась. Марк не стал перезванивать.

Самолёт ждал у служебного терминала. Помощник встретил его возле трапа и протянул планшет с документами.

- Разрешение получили. Вылетаем через семь минут, машина во Внуково будет.
- Кто знает маршрут?
- Экипаж, я и начальник охраны.
- Причину поездки не обсуждать.
- Конечно, Марк Владиславович.

Он поднялся на борт. Помощник остался в Петербурге, охранник сел ближе к кабине и сразу надел наушники.

Когда самолёт начал разгоняться, Марк расстегнул манжеты и посмотрел на руки. Пальцы оставались спокойными, хотя внутри зверь требовал торопиться.

Пятнадцать лет. Срок совпадал.

С Алисой у него была только одна ночь. До неё и после Марк никогда не терял голову настолько, чтобы забыть обо всём, чему его учили. Утром он решил, что остановил ошибку раньше, чем она разрушила две семьи. Через шестнадцать лет ошибка оказалась его сыном.

Марк вызвал Михаила снова. Побратим ответил после долгих гудков.

- Как мальчик?
- Спит. Обращение прошло тяжело, обратно вернулся сам.
- Размер?
- Уже крупнее большинства взрослых серых.

— Контроль?

— Никакого. Увидел Алису и успокоился, на меня едва не бросился.

— Ты его прижал?

Михаил хмыкнул.

— Мой волк лёг перед ним.

Марк сжал телефон сильнее. Чёрные признавали власть белых, однако взрослый зверь не обязан был подчиняться мальчику при первом обращении. Для этого требовалась сила, которой Даня ещё не умел пользоваться. Не должен был. Никак!

— Он правда белый?

— Моя кровь тоже есть. Уши чёрные.

— В смысле? Так он чёрный или белый?!

— Говорю тебе, что белый! Только с кровью чёрных.

— Охренеть! Это невозможно!

— А вот так! Я тоже шоке. Да, у него ещё на груди лапа.

— Какая на хрен лапа?

— Отпечаток. Чёрный, ровный. Когда обратился человеком, кожа осталась чистой.

Марк вспомнил изображение из старой родовой книги. На выцветшем рисунке стоял белый волк, а возле его груди неизвестный художник оставил чёрную отметину. Подпись сообщала, что знак появился после проклятия и исчез до того, как зверь покинул поляну.

— Сфотографировал?

— У меня внук по земле катался от боли. Как-то не подумал достать телефон.

— В следующее обращение...

— Сам приедешь и посмотришь.

Михаил отключился. Марк положил телефон на столик и откинулся в кресле.

Сын. Это слово не укладывалось рядом с мальчиком, о котором он слышал несколько раз и старательно не задавал лишних вопросов.

Ксения родилась, когда Марку было двадцать три. Он помнил её первый крик, крошечные пальцы, бессонные ночи Ирины и страх уронить дочь во время купания. Помнил разбитые коленки, школьные концерты, первый серьёзный разговор о мужчинах и день её свадьбы.

Но у него был сын, а Марк не видел ни одного дня его жизни.

Самолёт набрал высоту. Огни Петербурга исчезли под облаками, и в окне осталось тёмное отражение мужчины с серыми глазами.

Михаил имел право молчать, если Алиса просила. Она никому ничего не была должна после того, как Марк велел ей уйти.

Эта фраза прожила в памяти дольше, чем всё остальное утро. Алиса стояла перед ним бледная, с опухшими губами и упрямо поднятым подбородком. Она не плакала, пока смотрела на него. Заплакала уже возле двери. Марк увидел это и всё равно не остановил.

Во Внуково самолёт сел после полуночи. Машина ждала возле выхода, и ещё через сорок минут они свернули с шоссе к посёлку.

Марк не бывал в этом доме Вороновых ни разу. Михаил купил его, когда стало ясно, что дочь останется в Москве после учёбы. Большой участок примыкал к лесу, охрана стаи следила за территорией, а соседи не видели происходящего за высоким забором.

Ворота открылись раньше, чем машина остановилась. Михаил ждал возле гаража без куртки, в рубашке и брюках.

— Оставайтесь здесь, — велел Марк охраннику и вышел.

Михаил направился к нему. Походка была спокойной, лицо тоже не выдавало ярости. Но вместо приветственных объятий в челюсть пришёлся резкий удар.

Марк отступил на полшага и выпрямился. Во рту появился вкус крови.

— Ещё? — спросил он.

— Хочешь?

— Если станет легче.

Михаил ударил снова. На этот раз Марк успел повернуть голову, но не стал закрываться.

— Ты спал с моей дочерью, сука!

— Да.

— Ей было двадцать!

— Знаю.

— Ты был женат!

— Знаю.

— Я оставлял её рядом с тобой и считал, что она в безопасности!

Марк вытер кровь с губы.

— Знаю.

Михаил схватил его за ворот пальто и притянул ближе.

— Другое слово найди!

— Ты прав...

— Не смей со мной соглашаться таким голосом!

— Каким?

— Спокойным!

Марк разжал его пальцы и отступил. В окне второго этажа горел свет, поэтому продолжать драку возле дома не стоило.

— Сын здесь...

— Мой внук здесь! А сыном он тебе ещё не стал.

— Хорошо.

Михаил выругался и отвернулся. Несколько минут они стояли возле гаража, тяжело дыша и глядя в разные стороны.

— Ты знал о беременности? — спросил он.

— Нет.

— Верю. Алиса сказала, что ты не знал и не узнаешь.

— Почему ты не спросил имя отца?

— Я спросил! Она не ответила.

— И ты смирился?

— Я видел, как её мать умерла при родах! Мне хватало забот и без поисков неизвестного мерзавца!

— Теперь нашёл.

— Нашёл.

Михаил снова повернулся к нему. В чёрных глазах оставалась ярость, но руки он больше не распускал.

— Зачем ты её прогнал?

— Испугался того, что сделал.

— Поэтому сделал большее ей?

— Да...

— Какая удобная честность через шестнадцать лет!

Марк промолчал. Оправдание ничего бы не изменило, а подходящего у него всё равно не было.

— Она любила тебя с детства, — сказал Михаил. — Я видел и смеялся. Думал, девчонка вырастет, встретит нормального парня и забудет побратима отца. Даже представить не мог, что ты однажды посмотришь на неё как мужчина!

— До того лета я так и смотрел!

— Очень благородно.

— Я не называю себя благородным.

— Тогда кем ты себя называешь?

Марк посмотрел на дом.

— Человеком, который приехал помочь сыну.

Михаил подошёл ближе, но ударить снова не попытался.

— Не путай помощь с правом на него. Даню вырастили без тебя. Он носит мою фамилию и моё отчество, потому что рядом был я.

— Отнимать твоё место не собираюсь.

— У Алисы тоже ничего отнимать не будешь. Ни сына, ни её жизнь!

— Не буду.

— Совет пока не знает.

— От меня не узнает.

Михаил кивнул в сторону дома.

— Даня спит. Посмотришь из коридора и не разбудишь.

Они пошли к крыльцу. Возле двери Михаил задержался и тихо добавил:

— Алиса тебя видеть не хочет.

— Она сама сказала?

— Да! И я очень хочу в это верить.

Марк толкнул дверь. В доме пахло ужином, влажной землёй, волком и женщиной, которую он не видел шестнадцать лет. Зверь поднялся внутри мгновенно.

Марк остановился в прихожей. Михаил закрыл дверь и вопросительно посмотрел на него.

Запах Алисы он помнил. После той ночи находил его на рубашке, подушке и коже, хотя давно должен был смыть водой. Потом годами замечал похожие оттенки в чужих духах и каждый раз раздражался, когда оборачивался напрасно.

Сейчас запах шёл из кухни. Тёплый, живой... её.

Белый волк больше не метался. Он тянулся к Алисе с уверенностью, которой у него никогда не было рядом с женщинами. Истинная. Теперь он это понял. Только как? Их род проклят!

Марк снял пальто, повесил на свободный крючок и прошёл по коридору.

Алиса стояла возле кухонного стола. За прошедшие годы она почти не изменилась в его памяти, хотя перед ним находилась взрослая женщина. Чёрные волосы стали длиннее, лицо немного похудело, возле глаз появились тонкие линии. Она казалась ещё меньше рядом с высокой мебелью и смотрела на Марка.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй.

Марк сделал шаг. Запах стал сильнее, и зверь толкнулся ему навстречу. Алиса сразу подняла ладонь.

— Не подходи.

Он остановился.

— Ты моя истинная.

Её лицо дрогнуло, но голос остался ровным:

— Конечно.

— Алиса...

— Белый наследник и истинная за одну ночь. Поздравляю, Марк Владиславович. Проклятие решило вернуть тебе всё сразу.

— Я ещё не видел мальчика.

— Но уже назвал его сыном?

— Он белый!

— Именно.

Она отвернулась и взяла со стола чашку. Пальцы дрожали, поэтому фарфор тихо стукнул о блюдце.

— Я не знал о нём.

— Знаю. И Дане скажу то же самое.

— Ты собираешься рассказать ему сейчас?

— Когда проснётся.

— Я хочу быть рядом.

— Нет.

— Алиса, он имеет право увидеть меня.

— Увидеть — да. Наблюдать наш разговор — нет.

Марк провёл языком по разбитой губе. Алиса заметила кровь и посмотрела на отца.

— Папа!

— Что?

— Тебе пятьдесят шесть лет!

— Ему пятьдесят. Пусть учится уважать старших.

— Я не сопротивлялся, — сказал Марк.

— Очень зря, — отрезала Алиса. — Теперь у меня в доме два взрослых идиота и подросток после обращения.

Сверху скрипнула половица. Все трое замолчали и посмотрели на лестницу.

Даня стоял на верхней ступеньке, держась за перила. На нём была толстовка Михаила, рукава закрывали ладони. Светлые волосы растрепались после сна, чёрные глаза остановились на Марке.

Мальчик медленно спустился на несколько ступенек и посмотрел на мать.

— Это он?

Глава 3

Шестнадцать лет назад

Алиса увидела отца возле дома и едва дождалась, пока машина остановится. Михаил спустился с крыльца, распахнул переднюю дверь и вытащил дочь из салона раньше, чем она успела отстегнуть ремень.

— Задушишь, — пожаловалась Алиса, обнимая его за шею. — Я тоже соскучилась, но мне ещё диплом получать.

— До диплома тебе год. Успею придушить и вырастить заново.

Он поставил её на землю и открыл багажник. Одного чемодана Михаилу показалось мало, поэтому следом он достал сумку с альбомами, рюкзак и длинный тубус.

— Ты на каникулы приехала или решила вернуться домой?

— В тубусе чертежи. Чемодан один, а в сумке подарки.

— Тогда прощаю. Что привезла?

— Тебе ничего.

— И зря я растил неблагодарную дочь.

Алиса взяла рюкзак и направилась к дому. Возле крыльца стоял чёрный внедорожник, который она заметила ещё с дороги.

Сердце сразу забилося быстрее. Она знала эту машину и человека, который бросал её возле ступеней, хотя за последние четыре года видела его всего несколько раз и издалека.

Марк вышел из дома с папкой в руке. За ним появился помощник Михаила, попрощался и направился к машине, но Алиса уже не смотрела на него.

Марк остановился на верхней ступеньке. Светлые волосы выгорели сильнее, возле висков появилась ранняя седина, а серые глаза несколько секунд изучали её лицо.

— Алиса?

— Не узнал?

Она улыбнулась, стараясь не показать, как дрожат пальцы на лямке рюкзака. Марк спустился и остановился перед ней.

— Узнал. Просто не ожидал увидеть тебя сегодня.

— Я отцу неделю назад сообщила.

— Он мне не докладывает о твоих поездках.

— А мог бы.

Михаил подошёл с чемоданом и недовольно посмотрел на Марка.

— Не отвлекай ребёнка. Она с дороги.

— Пап, мне двадцать.

— Для него ребёнок. Так спокойнее.

Марк усмехнулся и протянул руку к рюкзаку. Алиса отдала его, хотя ноша весила меньше, чем папка с чертежами, которую она весь семестр таскала в институт.

— Надолго? — спросил он.

— До августа. Потом практика и последний курс.

— Архитектором всё-таки станешь?

— А ты надеялся, что я брошу?

— Ты в пятнадцать собиралась одновременно стать архитектором, художником и дрсировщицей тигров!

— Тигры не прошли конкурс.

Марк рассмеялся. Алиса слышала этот смех в телефонных разговорах отца, вспоминала перед сном в московской комнате и каждый раз злилась на себя.

В детстве она ждала Марка почти так же сильно, как Михаила из поездок. Выбегала встречать машину, садилась рядом за ужином и часами слушала разговоры мужчин, хотя не понимала половины слов. В восемь лет Алиса решила, что однажды выйдет за него замуж. Через год узнала об Ирине и неделю не разговаривала с отцом, который отказался объяснять побратиму, что тот выбрал неправильную женщину.

Михаил посмеялся над дочерью и пообещал, что дурь пройдёт. Алиса уехала учиться, выросла и научилась молчать о своих чувствах. Дурь осталась.

— Ирина с Ксенией не приехали? — осторожно спросила она.

— Они в Петербурге. Ксюша поступает в летнюю школу, Ирина помогает готовиться.

Алиса кивнула. Ксении было одиннадцать, и летняя школа наверняка занимала её сильнее, чем поездка в Карелию.

Михаил забрал у Марка рюкзак и подтолкнул дочь к крыльцу.

— Иди отдыхай. Я вещи занесу.

— Я сама могу.

— Четыре года в Москве пожила и забыла, что со мной спорить бесполезно?

— Ничего я не забыла.

Она поднялась на ступеньку и обернулась. Марк продолжал стоять возле машины и смотрел ей вслед. Но через секунду он отвёл глаза.

Запах Алисы остался возле крыльца, в прихожей и на папке, которую она случайно задела рукой. Марк чувствовал его даже в машине, пока водитель вёз его к усадьбе Северских.

Белый волк беспокоился. Он поднял голову ещё до того, как Алиса вышла из машины, а потом следил за ней с непривычным вниманием.

Прежде женщины зверя не интересовали совсем. Марк любил Ирину, хотел её, радовался рождению дочери, но волк принимал семью как часть человеческой жизни и никогда не вмешивался. А с Алисой сейчас он вёл себя иначе.

Марк открыл окно. В салон ворвался прохладный воздух, запах исчез, и зверь недовольно толкнулся изнутри.

— Закройте, продует. Кондиционер же, — попросил водитель.

Марк поднял стекло. Объяснять, что проветривание предназначалось волку, не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.